Взрыв Генерального штаба

Автор:
Владислав Крапивин

Взрыв Генерального штаба

Владислав Петрович Крапивин

Мальчик-разведчик – это так удобно. Он запросто ходит по вражескому городу, купается, играет в прятки… Никто и не подозревает, что на самом деле он выполняет ответственное задание Генерального штаба… Фантастические повести известного детского писателя о мальчишках, которые мужают в борьбе с опасностью, о том, как доброта и истинная дружба позволяют людям оказаться сильнее преград, поставленных перед ними пространством и временем.

Владислав Крапивин

Взрыв Генерального штаба

Крепость

Водяные курочки тиви живут только в этих краях – на западном побережье Полуострова. Они похожи на хохлатых серых куличков. Стайками и в одиночку они резво бегают среди камней и по песку, вылавливают мелкую живность из бурых водорослей, которые грудами наваливает на берег прибой.

Это очень доверчивые птички. Позови их – “тиви, тиви”, – покорми с ладони, и потом они не отстанут от тебя. Неудивительно, что одна такая курочка поселилась на старом приморском бастионе. Точнее говоря, не курочка, а

петушок. Старик Август определил это по рыжеватому отливу на хохолке тиви.

Бастион был расположен на скалистом островке слева от входа в бухту Подкова. С берегом островок соединялся каменной дамбой, вдоль нее торчали бетонные глыбы волнолома. Длина дамбы – шагов двести. От Рыночной пристани до бастиона можно было добраться за полторы минуты.

“Бастион” – это жители Льчевска говорили так по привычке. На самом деле там стояли три бастиона – остатки морской крепости.

Когда-то у крепости была форма неправильной снежинки. Но в позапрошлом веке неприятель подступил с суши и после долгой осады разгромил бастионы, которые смотрели в сторону берега. Теперь от них остались заросшие груды. А те, что были обращены к морю, уцелели.

Они, эти три бастиона, и сейчас казались незыблемыми. Этакие броненосцы, направившие форштевни к западным сторонам горизонта – к зюйд-весту, весту и норд-весту. Сумрачно чернели полукруглые амбразуры в наклонных, облизанных волнами стенах из желто-серого известняка – крепчайшего камня, добытого в здешних карьерах.

Орудий в амбразурах теперь не было. Но на верхней площадке Юго-западного бастиона сохранились несколько старых пушек на ржавых поворотных станках.

На оконечности среднего – Западного – бастиона стояла круглая башня маяка. Она была обита железными листами и полосато раскрашена – три широких белых кольца и три черных.

А правый – Северо-западный – бастион был украшен флагштоком – с реями для фалов и с гафелем, под который поднимали неофициальный флаг Льчевска. Это было оранжевое полотнище с золотистой буквой L. Внутри буквы сидел мальчик. Он прислонился к вертикальной части буквы, словно к стволу дерева. Одну ногу мальчик спустил с перекладины, а другую согнул и на торчащее колено поставил раструбом сигнальный горн. Такова была дань легенде. Если верить ей, давным-давно юный трубач этой крепости заметил во тьме крадущиеся шлюпки каперского десанта, во время поднял тревогу, но сам был убит стрелой из арбалета.

Флаг сшила внучка старика Августа. Она прибегала на бастион почти каждый день. Но не надолго. Большую часть времени старик проводил один. Вернее, с лохматым псом Румпелем и петушком Тиви. Румпель и Тиви подружились. Тиви то и дело ходил по развалившемуся на солнцепеке псу и выклевывал из его шерсти букашек.

Таким образом постоянных жильцов на бастионе было трое.

А в начале сентября их прибавилось.

Сентябрь в здешних местах почти неотличим от лета. Лишь закаты наступают раньше да рынки ломятся от фруктов. Днем солнце палит как в июле. На бастионах пахнет разогретым известняком, высохшей морской солью, гнилыми водорослями и горячей бронзой старых пушек.

Только изредка с моря прилетит ветерок, хлопнет оранжевым флагом и дохнет прохладой.

…Верхние площадки ограждал широкий каменный парапет. На парапете правого бастиона лежал мальчик в полинялых коричневых трусиках. Щуплый, с облезшими от загара плечами. Он с одинаковым удовольствием впитывал кожей и солнечный жар, и прохладу морского дыхания. Упирался подбородком в твердый камень и раскладывал перед собой разноцветные раковины. Раскладывал сосредоточенно – не просто так, а в каком-то ему одному понятном порядке. И шевелил припухшими, в мелких трещинках губами.

Петушок Тиви аккуратно прошелся по спине мальчика – словно пересчитал лапками его позвонки. Потом забрался на мальчишкин затылок, сунулся клювом в нерасчесанные после купания пряди – светлые, как шлюпочная пакля-конопатка.

– Отвяжись, надоеда, – сказал мальчик добродушно. – Никого там нет, иди к Румпелю блох ловить.

Тиви послушно прошелся обратно – по спине, по трусикам, по ноге. Но в конце пути задержался и клюнул в пятку.

– Кого-то сейчас запрут в курятник, – пообещал мальчик.

Тиви поспешно удалился. Но через минуту пятку опять клюнули.

– Вот зараза! Ну, я тебя… – Мальчик дрыгнул ногой и услышал смех. Быстро сел. – Ой, Лён…

Над ним стоял другой мальчик, постарше. Лет тринадцати. С длинным веснушчатым лицом, с волосами цвета сосновой коры. В похожей на полосатый мешок рыбацкой безрукавке. Безрукавка мальчику была чересчур длинна. Из-под нее торчали мятые штаны с бахромой у колен и ноги в порыжелых разбитых ботинках.

Поперечные полосы безрукавки были серо-зеленые – как на громадном арбузе, который Лён принес в сумке, сделанной из обрывка рыболовной сети.

В другой руке Лён держал длинную камышинку – ей он и “клюнул” пятку приятеля.

– Лён, я и не слышал, как ты появился… Ух и арбузище!

Лён опустил арбуз на парапет.

– Еле припер… Я купил его почти задаром, у тетки, которая торопилась с рынка домой… Ну что, придумал имя для большой раковины?

– Не-а… Лён, знаешь что? – Мальчик обхватил колени и снизу вверх смотрел в веснушчатое лицо. С непонятной напряженностью. – Мне уже не первый раз это кажется…

– Что, Зорко?

– Что я тебя где-то раньше видел…

– Вот новость! Целую неделю живем тут вместе!

– Да не теперь, а давно!

Лён улыбался широким, как полумесяц, ртом:

– Так говорят незнакомым девицам, когда хотят за ними поухаживать.

– Тьфу на тебя… Я никогда за ними не буду ухаживать, я же не сумасшедший.

– В десять лет все так обещают…

– Ну, ты же не девица, черт тебя побери! Я с тобой серьезно разговариваю!.. Кажется, что видел тебя где-то… Может, во сне?

Лён стал серьезным. Уронил камышинку.

– Знаешь, Зорко, учитель говорил нам, что это называется “явление обратной памяти”. Такой мысленный обман…

– Ну, может быть… – Зорко был смущен своей внезапной сердитостью. Хотелось загладить. Он пяткой качнул арбуз в сетке.

– С виду-то спелый. А внутри – красный? Вырезку делали?

– Я и без вырезки умею определять… Хочешь, кокнем пополам и попробуем?

– Нет, оставим до ужина.

– Ладно… Жаль только, что Динка сегодня не придет.

– Ага… – Зорко стрельнул глазами, отодвинулся и лукаво срифмовал:

Ах не мил мне белый свет,

Потому что Динки нет…

– Кто-то сейчас полетит вверх тормашками с бастиона!

– А кто-то пусть меня сперва догонит! – Зорко вскочил.

Но Лён играть не хотел

– Я и так умаялся, пока тащил эту бомбу… Зорко, а где старик?

– Спит после обеда. Не велел будить его до захода.

– Можно и после захода не будить, ужин сварим сами. И маяк сами включим…

– Маяк не надо включать! Опять была радиограмма…

Когда не горит маяк

Название города Льчевска по традиции писалось особо: L-чевск. В этой путанице шрифтов отразилась разноплеменность льчевского населения и пестрота здешней истории. Город был отделен от Империи узкой полосой степного пространства, которое принадлежало Куршской республике. Республика имела на Льчевск свои виды. Так же, как и правительство набиравшей силу имперской Вест-Федерации.

В конце концов на заседании международной комиссии было решено дать Льчевску права вольного города – чтобы никому не было обидно.

Такое решение понравилось не всем. Был случай, когда из дальнобойного орудия пальнул по городу имперский крейсер. Дважды обстреливали ракетами здешний берег катера йосских сепаратистов. несколько раз в районе портовых пакгаузов высаживались с моря громилы в масках и с автоматами, устраивали стрельбу и поджоги.

Поэтому, если городским властям чудилась опасность, включать маяк запрещали – чтобы у любителей стрельбы и десантов не было такого прекрасного ориентира.

…Когда солнце спрятало в море верхний край вишневого диска, Лён спустил флаг. И сел на парапет, свесив ноги наружу. Море казалось усыпанным медными искрящимися стружками. Небо у самого горизонта было оранжевым, а выше – лимонным. А еще выше громоздились облачные горы – пунцовые, малиновые, бронзовые. Торжественные, как берег могучей и прекрасной страны. “Великой Империи”, – подумал Лён.

Наверно, такой вот чудесной будет страна, когда преодолеет все раздоры и обретет силу, которой славилась в прежние времена…

Жаль только, что краски быстро тускнели: темнота в приморском южном краю приходит торопливо.

Трещали цикады. Сильнее, чем днем, пахло теплыми камнями и морем. Еле слышно плескали внизу сонные гребешки. Уютный такой, ласковый вечер… И впервые за всю неделю не было в душе у Лёна беспокойства. В тайнике под разрушенной лестницей сегодня наконец-то нашел он то, чего ждал.

Позади послышались голоса и звяканье крышки о кастрюлю. Зорко у железной печурки помогал старику готовить на ужин тыквенную похлебку. Старик ворчал. Не на помощника, а на весь мир. Он был недоволен, что запретили включать маяк.

Но недовольство это было притворным. В глубине души старый Август радовался. Зеленые проблески маячного фонаря создавали помехи при наблюдении за звездами, а сегодня можно было отвести душу.

Телескоп старик устроил из крепостного орудия. Вставил внутрь ствола наклонное зеркало, в запальное отверстие ввинтил оптическую трубку с окуляром, а на дульную часть ствола надел широкий объектив в кольцевой бронзовой раме.

Орудие стояло на поворотном станке, который давал возможность вращать ствол по кругу и поднимать его от горизонта к зениту. Столетний этот станок старик регулярно смазывал. Пушка-телескоп стояла вдали от других, на правом бастионе.

Старик признался мальчишкам, что жители считают его астрономические занятия причудой. Они не знают, что его “пушечный” рефрактор – инструмент высочайшего класса. В крепостном подземелье старик устроил мастерскую и сварил в ней стекло из особого песка. Каждая крупинка песка была микропроцессором с колоссальным объемом памяти. Эти свойства передались объективу, который старик отлил из такого стекла и тщательно отшлифовал. Объектив не только во много раз сокращал расстояния до небесных тел, но улавливал многие тайны космоса. На волнах особой, неизвестной науке частоты он передавал их компьютеру, который старик прятал в глубоком, защищенном от вибрации помещении.

Мало того, телескоп давал возможность с большой точностью определять по звездам человеческие судьбы. Так утверждал старик Август. Лёну и Зорко он предсказал долгую, хотя и беспокойную жизнь…

Небо интересовало старого Августа гораздо больше земных дел. На Земле, считал он, слишком много развелось людей, которые хотят не работать, а стрелять друг в друга.

– Это гораздо легче, чем землю пахать или строить дома. Этакая профессия – человек с автоматом. Никакого мастерства не надо: только умение целиться, да некоторый запас храбрости. А храбрость без царя в голове – свойство совсем не редкое и присущее многим дуракам и мерзавцам. Вот и живут. Вроде бы есть в такой жизни интерес и романтика. И даже героизм. А главное – все, что надо, можно добыть с помощью автомата…

– Не все же так живут, – осторожно заспорил однажды Зорко. – Многие воюют за независимость.

– Ну да, ну да… Одни за независимость, другие за великую державу. Хотя на самом деле независимость нужна не стране, а каждому отдельному человеку. А всем вместе людям нужна не великая держава, а просто счастливая страна. Такая, где люди не боятся за себя и своих детей…

– Разве одно мешает другому? – не выдержал Лён. – Независимость и счастье…

– Смотря что называть независимостью! История знает немало великих независимых государств, где масса жителей была рабами!.. А сейчас… Двести

шестнадцать обитаемых миров нашей Галактики смотрят на нас и пожимают плечами: как это существа развитой цивилизации гробят друг друга! Да еще ухитряются прятать свою корысть в разговоры про великие цели и про святость своих знамен!

Лён отошел. Спорить было бы неосторожно. А согласиться он не мог. Лён верил в святость своих знамен. Он помнил их.

Приговор

Знамена стояли на правом фланге замершего строя. Строй растянулся на всю длину громадного сводчатого зала. За высокими, с полукруглым верхом окнами зеленел старинный парк. Солнце пробивало листву вязов, косыми лучами входило в зал и загоралось на коронах и крыльях имперских драконов – ими были увенчаны знаменные древки.

Знамена были малиновые, желто-бело-лиловые и черные. Государственное знамя, знамя – символ военного братства, штандарт офицерского добровольческого полка “Черные кавалергарды”, на основе которого была создана нынешняя гвардейская школа… Штандарты отдельных рот…

У каждого знамени – по два ассистента с обнаженными палашами у плеч. На остриях – тоже вечерние солнечные огоньки. Но в них, в этих огоньках, не было радости.

Висела тишина. Однако чудился под сводами шелест – эхо сдержанного дыхания четырехсот человек.

Лён затравленно, украдкой пробегал глазами по строю. Кокарды, аксельбанты, эполеты, погоны. Чешуйчатые ремешки лиловых беретов на подбородках. Подбородки вскинуты, взгляд – прямо перед собой. Но… быстрые, полускрытые взгляды случались и в его сторону. И не было в них вражды и презрения. У кого-то – болезненный интерес, а у кого-то… пожалуй, даже сочувствие.

А у маленьких – у воспитанников младшей роты и барабанщиков – даже откровенный страх: неужели и с н а м и может когда-нибудь случиться такое?

Малыши они и есть малыши. Не умеют полностью скрывать чувства. Они еще наполовину штатские – и внутри и даже снаружи. Береты заломлены лихо, но ремешки их натянуты слабо. Суконные брюки с лампасами слишком широки и мешковаты, морщатся на коленях. Синие парадные нагрудники оттопыриваются на мундирах. Погоны топорщатся, будто крылышки… И эти пухлогубые приоткрытые рты…

Лён никогда не был таким. С первого дня форма сидела на нем подогнано и ловко, будто он привык носить ее с младенчества. А в гвардейскую школу его взяли год назад, уже двенадцатилетним.

Это случилось, когда пришло известие о гибели отца. Подполковник Альберт Микаэл Бельский погиб в стычке с йосскими повстанцами на пограничном шоссе близ города Грона. А маму Лён почти не помнил – она умерла, когда ему не было трех лет, во время эпидемии, прокатившейся по восточным округам Империи. С той поры Лён мотался по дошкольным приютам и школьным интернатам. Отца он видел не чаще раза в год – тот все время был то на одной, то на другой войне.

Прошлым летом Лёна отыскал в летнем интернатском лагере седой, похожий на профессора майор. “Крепитесь, мой мальчик… Отец до последней минуты вспоминал вас… Мы верим, что вы будете его достойной сменой…”

Лён не плакал. По правде говоря, отец в редкие дни свиданий казался ему чужим. Но зато появилась прочная спокойная гордость: “Я сын погибшего героя…”

А гвардейская школа после гадостной интернатской жизни показалась ему раем. Да, порядки были строгие, но в этой строгости ощущалась разумность, ясность и даже красота. Здесь не одобрялось, если кто-то один сильно привязывался к другому – личная дружба считалась сентиментальным чувством мягкотелых штатских мальчиков. Зато между всеми юными гвардейцами было воинское товарищество. Самому старшему курсанту-выпускнику в голову не могло придти поднять руку или даже грубо крикнуть на малыша-новичка. Побывавшие во многих битвах командиры-наставники с подчеркнутой вежливостью козыряли в ответ на приветствия девятилетних воспитанников и всем без исключения

говорили “вы”.

И еще было много чудесного. Захватывающая душу торжественность при разводе караулов; щемящая печаль сигнала “Вечерняя зоря”; величие академической библиотеки, где собраны истории всех войн и подвигов, густота и обширность парка, в котором легко уединиться, чтобы помечтать о подвигах, которые совершишь ты сам. Случаев для героических дел представится немало: войны были во все эпохи человечества и, безусловно, будут и дальше. Тем более, что у возрождающей свою мощь Империи врагов предостаточно…

Конечно, ежедневная жизнь укладывалась в рамки уставов не всегда. Случались и шалости. Командиры взводов и рот и сам генерал – начальник школы – смотрели на них с известной долей снисходительности. Видимо, понимали: мальчишки есть мальчишки. Лишь бы их проказы не нарушали – это самое главное! – принципов гвардейской чести и не выходили за известные границы. Ну, а если порой и выходили, тогда…

– Курсант Бельский. Весьма сожалею, но вам придется снять пояс и доложить дежурному командиру, что вы отправляетесь под арест на сутки…

Даже в этом был свой интерес, своя романтика.

…Но сейчас не было никакой романтики, никакого интереса. Только застывший в груди ком – сгусток стыда и горечи.

Лён стоял перед строем уже без формы – в той жалкой интернатской одежонке, в которой привезли его сюда год назад.

Теперь было заметно, как он вытянулся за этот год. Бахрома узких обтрепанных штанов раньше достигала середины икр, а теперь она едва прикрывала колени. Кисти рук беззащитно высовывались из обшлагов тесной вельветовой курточки. Прошлогодние сандалии оказались совсем малы, поэтому штрафнику оставили казенные черные ботинки. По-уставному начищенные до блеска, они казались нелепыми на тощих голых ногах…

Офицеры, стоявшие отдельной шеренгой слева от группы знаменосцев, были неподвижны. Только седой подполковник (бывший майор, приезжавший за Лёном в интернат) надел очки и поднес к ним очень белый твердый лист.

Подполковник читал слегка монотонно, однако внятно и громко…

– …впервые за все время существования нашей славной школы. Находясь в составе парного караула на одном из самых ответственных постов, проявил преступное небрежение к своим обязанностям и, по собственному признанию, не наблюдал за подходами к складу, а пытался разглядеть в бинокль спутники планеты Юпитер…

“Господи, неужели все верят, что я в с а м о м д е л е мог такое?..”

– … Что и дало возможность преступным агентам незаконной повстанческой армии йосских сепаратистов совершить хищение нескольких десятков единиц стрелкового оружия. Случай небывалый сам по себе, а в военное время обретающий особую тяжесть, ибо это хищение ощутимо усиливает противника и может послужить причиной гибели многих доблестных защитников Империи…

“Скорей бы уж все кончилось…”

– Учитывая тяжесть преступления, военный трибунал приговорил старшего в ночном карауле – капрала Кроха – к расстрелу…

Чуть заметное шевеление прошло по строю.

– Прошу порядка, господа… – в голосе подполковника слегка поубавилась официальность. – Что касается воспитанника Бельского, то… тринадцатилетних мальчиков, даже если они носят гвардейскую форму, под трибунал не отдают и не расстреливают. Но его преступление от этого не становится меньше. Командирский совет школы постановил…

Подполковник впервые поднял очки от листа и обвел ими строй. А на Лёна так и не взглянул.

– …постановил: изгнать бывшего воспитанника Леонтия Альберта Бельского из наших рядов. Оповестить все военные школы Империи, что вышеупомянутый Леонтий Альберт Бельский лишен права быть зачисленным в эти учебные заведения. Он также не имеет права быть принятым ни в какие военные части и учреждения в качестве юного волонтера или сына полка… Кроме того, учитывая

тяжесть содеянного, совет командиров решил прибегнуть к дополнительному возмездию и вернуться для этого к традициям кадетских корпусов прежнего времени…

Опять шевеление…

– После процедуры лишения воинской чести бывший воспитанник Бельский проведет ночь в подземной камере гауптвахты, а утром будет подвергнут пяти ударам шомполом от старинной винтовки образца тысяча восемьсот девяносто шестого года. После этого Бельского выведут за территорию школы и предоставят его собственной судьбе… Публичные наказания запрещены законом, но экзекуция будет снята видеокамерой, и вам придется посмотреть этот эпизод в вечернем выпуске школьных известий… А теперь – приступайте.

Два унтера не грубо, но сильно взяли Лёна за локти и за плечи, надавили, поставили на колени. Тощий молоденький лейтенант с бесстрастным лицом сильно согнул над его головой тонкий клинок. Лён этого не видел, но услышал пружинный звон, когда шпага сломалась.

Тут же его опять крепко взяли за локти и повели из зала (Лён еле успевал переставлять ноги).

Кортик генерала.

Его заставили спуститься по винтовой чугунной лестнице (закружилась голова). Затем был низкий кирпичный коридор. В середине коридора унтеров и Лёна встретил капитан Харц, адъютант начальника школы. Приказал унтерам:

– Ступайте обратно. Дальше я сам…

Унтера загрохали по ступеням, а Харц взял бывшего воспитанника за плечо.

– Вот сюда, Бельский…

За железной глухой дверью оказалась не камера. Была комната с шелковистыми обоями и портретом Его величества. Без окон, с теплым светом торшера и с покрытой чехлами мебелью.

Генерал сидел за украшенным львиными мордами письменным столом. Он встал.

Он не просто встал, а почти что по стойке смирно. И сказал тихо:

– Садитесь, друг мой…

Лён быстро сел на край кресла. Лбом лег на край стола и зарыдал.

Генерал остановился за его трясущейся спиной. И терпеливо ждал, когда рыдания станут потише. Нагнулся.

– Мальчик мой… Вы не должны стыдиться этих слез. Ничуть. Бывают обстоятельства, когда плачут даже ветераны, много раз смотревшие без страха в лицо смерти. Я понимаю, как вам тяжело… Выпейте это…

Лён стукнул зубами о край стакана. Глотнул. Было что-то холодное, горьковатое, с запахом мяты. Полегчало. Лён всхлипнул, глотнул еще раз, хотел встать.

– Сидите, сидите, – генерал ласково надавил на его плечо. Лён повернул к нему мокрое лицо. Близко увидел седоватый ежик, шрам на худой щеке, квадратную бородку. Добрые, вовсе не командирские глаза. Лён впервые был так близко от генерала.

– Я понимаю, как вам тяжело… – В голосе генерала были виноватые нотки. – Каким несправедливым оказалось все это… представление. Но ведь и вы понимаете: оно необходимо, чтобы никто-никто не догадался о вашей особой миссии. Невозможно заподозрить курьера государственной важности в мальчишке, которого с позором изгнали из юных гвардейцев…

Лён всхлипнул опять. Генерал сказал негромко, но теперь потверже:

– Гвардеец Бельский…

Лён встал. Рукавом мазнул по глазам и уже не опускал лица.

– Курсант Бельский. Прежде всего – от имени имперского генералитета я приношу вам извинения за такое… такую вынужденную меру. Это будет особо подчеркнуто перед строем, когда вы вернетесь. И тут же – возвращение гвардейской формы и достоинства, звание суб-лейтенанта, которое недавним указом императора приравнено к младшему офицерскому чину. Вам будет вручен офицерский кортик с правом постоянного ношения… Знаете что?! Не просто кортик. Я вручу вам вот этот, свой… Честное слово, вы заслужили его. То есть заслужите, когда справитесь с заданием. А я уверен, что справитесь.

Оружие, похожее на маленький меч висело на цепочках, спускавшихся из-под генеральского мундира – у бедра с лампасом. В темно-зеленых кожаных ножнах с оковками, с золотистой витой рукояткой.

Слезы на веснушчатых щеках стремительно высыхали. Лён сдвинул каблуки гвардейских ботинок.

– Господин генерал! Могу я задать вопрос?

– Конечно, мой мальчик!

– Господин генерал… То, что мне поручено, не требует особой смелости и риска. Добраться, найти, встретить, передать… За что же такая награда?

– Ты прав, на первый взгляд поручение не слишком сложное. Но от его выполнения во многом зависят успехи наших вооруженных сил. И нынче, и в будущем. Ты несешь в себе сведения небывалой важности… И дело в том, что донести их можешь только ты… Мы недаром так долго искали именно такого человека. Ваши математические способности, ваше умение воспринимать изображение плоского кинескопа как реальное трехмерное пространство – все это обратило внимание на вас. Такая уж судьба, что человеком, способным нести информацию, зашифрованную в объеме четырехмерного энергетического биополя, оказался мальчик… Ты, Лён… Ничего, что я обращаюсь так по-дружески? То “вы”, то “ты”…

– Спасибо, господин генерал.

– Вы уже почти офицер, Лён, значит, мы люди одного круга. В неслужебной обстановке вы можете тоже обращаться ко мне попросту: Людвиг Валентин… Да-да, я не шучу.

– Спасибо, господин генерал.

– Ну вот!.. Ладно, привыкнете.

– Господин генерал, а можно еще вопрос?

– Конечно! Только не о сути доверенной вам информации. По правде говоря, подробностей я не знаю сам. А вам они тем более ни к чему. Я верю, что в случае провала вы проявите должную твердость, но есть способы развязывать языки кому угодно. Без всяких пыток. Один укол – и дело сделано… А незнание – гарантия тайны…

– Я понимаю, господин генерал…

– Прекрасно… А тайна эта очень важна. Недаром ее нельзя доверить ни радиосвязи, ни секретной фельдъегерской почте, ничему другому. Слишком изощренными стали способы перехвата и расшифровки…

– Да, господин генерал.

– Скажите, Лён, вы четко помните то, что в вас заложено?

Лён прикрыл глаза. Святящаяся пирамидка из разноцветных переплетенных линий и нанизанных на них желтых мохнатых шариков повисла перед ним в темноте. Темнота бала разбавлена зелеными следами от абажура, но пирамидки это не касалось.

– Господин генерал, я помню все! Я не смогу забыть, если даже захочу. Пока не передам запись машине…

– Отлично, Лён… Да, а о чем ты хотел спросить?

– Господин генерал… Капрала Кроха, надеюсь, не расстреляют по правде?

– Ни в коем случае! Сегодня же ему объявят о помиловании. Месяц он проведет под арестом, но арест не будет суровым. Лишь бы капрал не гулял и не болтал лишнего, пока вы не вернетесь…

– А… шомпола? Это… надо обязательно, да?

– Да что ты, друг мой! Ты-то здесь при чем? На эту роль уговорили сына школьного садовника. Ему заплатят…

– Он же совсем на меня не похож!

– Голова на экране будет заштрихована. К тому же, в таких случаях объективы направлены… на другое место.

– Но его… не изо всех сил?

– Нет, конечно… Хотя и не совсем в шутку. Надо все-таки, чтобы он поверещал натурально. Ему обещана сумма, которую отец получает за полгода. За такие деньги можно и пострадать слегка. Тем более, что этот отрок – не гвардеец, понятия о достоинстве у него попроще…

– А он потом не проболтается?

– За молчание заплатят еще столько же. И к тому же, на месяц отправят к дальним родственникам… Не заботьтесь о мелочах, Лён. Думайте о главном: добраться и передать…

– Так точно, господин генерал!

– Лён… ответьте проще: я постараюсь, Людвиг Валентин.

– Да… я постараюсь…

– Вот и чудесно… Вам приготовят здесь постель и ужин. А утром… Да хранит тебя Бог, мой мальчик.

Театр на площади

Школа располагалась на краю Ато-Карна, в обширном парке. Парк на севере сливался с лесом.

В этом месте рано утром Лёна встретил молчаливый человек в камуфляже без погон. Дал холщовую сумку с продуктами, проводил неприметной тропинкой на пригородную станцию, что-то сказал проводнику вагона, когда у платформы на полминуты затормозил поезд дальнего следования. Проводник кивнул.

Сутки Лён ехал на верхней полке тесного и душного вагона. Ни с кем не говорил. Жевал сухие крендельки, какие обычно пекут своим внукам на дорогу заботливые бабушки. Запивал холодным чаем из бутылки с газетной пробкой.

Потом, следуя заученной инструкции, сошел на степном полустанке. Почему нельзя ехать дальше, а надо идти пешком, он не знал. Надо – значит, надо. Может, для того, чтобы длинный веснушчатый мальчик больше стал похож на пацана-беженца, который из пострадавшего от атаки неопознанных вертолетов поселка пробирается на юг, к дядюшке-рыбаку…

Целый день Лён шагал через обожженную зноем степь.

Это была уже Куршская территория – независимая, но без строгой границы с Империей.

Солнце казалось косматым рыжим шаром. Трава пересохла и потрескивала, когда Лён ложился отдохнуть. В колеях скопилась теплая пыль, от которой щекотало в горле. Когда становилось вовсе уж нестерпимо, Лён вспоминал генеральский кортик.

Лён пил у редких колодцев. Загорелая худая бабка на придорожном хуторе дала ему полкраюхи и горсть абрикосов…

К ночи Лён добрался до поселка Черные Вязы. Сел на автобус южного направления (деньги на билет были). Всю ночь продремал на удобном сиденье, а перед рассветом сошел на крохотной станции в километре от границы: дальше

мальчишку без документов не пустили бы.

Границу Льчевской свободной области он пересек в густых виноградниках и не заметил ее. Остановился, когда увидел с холма туманное море и розовый от рассветных лучей город.

На краю Льчевска Лён выспался в беседке заброшенного сада. Доел остатки хлеба, напился из ржавой водопроводной трубы. И окунулся в пестроту приморского города.

Море, корабли и южную жизнь он видел впервые.

Но прежде всего Лён, помня четкие указания, отыскал разрушенную каменную лестницу за арками старинного водопровода. Нашел вывернутую из крепкого грунта ступень, сунул под нее руку. Нащупал похожий на согнутый гвоздь крючок.

На крючке ничего не было.

Ну, нет так нет. Ему говорили, что информация может появиться не сразу. Ладно…

Лён до одури накупался на бесплатном городском пляже. Пообедал в фанерном, пропахшем копченой рыбой буфетике на Лодочной пристани – здесь совсем дешево продавали горячие пирожки с камбалой и хрустящий картофель.

На шумном привокзальном рынке Лён обменял вельветовую курточку на рваную вязаную безрукавку, чтобы больше походить на мальчишку из рыбацкой семьи.

Вспоминались рассказы “тертых” пацанов, которые он слышал еще до гвардейской школы, в интернатах. Безусловно, гвардейская школа – это самое лучшее место на свете, но… В жизни приморского беспризорника была своя прелесть. Кто же не любит свободу и приключения?

Напялив безрукавку, Лён ощутил себя настоящим жителем Льчевска. И, полный любопытства, направился к центру. Белые причудливые дома с балконами и галереями беспорядочно громоздились среди зелени. Подымались в небо башни

старинных церквей. На холмах грелись под солнцем желтые полуразрушенные крепости. Над крышами виднелись корабельные мачты и трубы – узкие синие бухты глубоко входили в город и перепутывались с улицами…

Пестро одетые люди казались беззаботными. На веснушчатого оборванца никто не обращал внимания.

В центре – на Кольцевом бульваре и на площади с серым гороподобным собором – кипел праздник. Какая-то смесь карнавала, веселой торговли и концертов, которыми развлекали публику бродячие музыканты и клоуны.

Носилась в толпе ребятня в пестрых колпаках и звериных масках. Дымно палили игрушечные пистолеты. Улетали в небо отпущенные воздушные шары – иногда целыми гроздьями. Призывно голосили продавцы жевательной резинки и жареных каштанов. Звенели гитары и гремели электронные усилители.

Коротко стриженная очкастая девчонка сунула Лёну за ворот остатки мороженного. Он взвизгнул с недостойным военного человека испугом. Впрочем, он не был уже юным гвардейцем с приличными манерами. И, как истинный беспризорник, вознамерился дать нахалке крепкого леща. Но та искренне изумилась:

– Ты что! Это же карнавальная шутка!

Тьфу ты!.. Ну ладно. Может, и правда здесь так полагается.

Неподалеку, на некрашеных подмостках шло кукольное представление. Перед маленькой шаткой сценой толпились взрослые и ребятишки. Было много пацанят с пестрыми сумками и в парусиновых костюмчиках с матросскими воротниками. Воротники – всяких цветов и с разным количеством полосок. Лён сообразил, что это здешние школьники, у которых кончились уроки.

Он протолкался поближе к сцене.

На фоне размалеванного задника приплясывали и кривлялись пять кукол – два солдата и три генерала в форме, похожей на имперскую. Генералы в блестящих касках с тремя перьями – лиловым, золотым и серебряным. Солдаты делали

строевые приемы, вертели головами с лупоглазыми бессмысленными лицами и горланили песню (вернее, она неслась из динамика):

Император наш, братцы, герой!

За него все мы, братцы, – горой!

До ближайшей веселой поры,

Когда все полетим мы с горы!..

А генералы – низенький толстячек, тощий дохляк и длинноногий горбун – в ответ голосили свое:

Любуйся, доблестная рать:

Мы все – превосходительства!

Приятно, братцы, умирать

Под нашим предводительством!

На наших касках три пера

И гидры многоглавые —

За нас не страшно умирать

С геройством и со славою!

Не верьте, что ведем мы вас

Во тьму дорогой зыбкою.

Вперед! Надеть противогаз

И умереть с улыбкою!

Втроем они учили маршировать армию из двух человек.

Было смешно, ничего не скажешь. Но… это было и надругательством над имперскими вооруженными силами. И если юный гвардеец Бельский не мог сейчас вскочить на сцену и крикнуть наглым актеришкам-кукловодам, что они подлецы, то беспризорник Лён вполне мог швырнуть в них гнилым бананом. Тем,

что под ногами! Лён стремительно нагнулся, боднул чью-то спину с матросским воротником… И грянула автоматная очередь!

Опытное ухо военного человека сразу узнало голос десантного короткоствольного Б-1

Ребятишки и взрослые метнулись кто куда. Некоторые ничком упали на брусчатку. Лён сидел на корточках и видел, как с машины, декорированной под старый фаэтон, лупит по кукольному театру дядька в клетчатом костюме арлекина. Длинными очередями, от живота. Профессионально! “Бэодин” бился в его крепких пальцах и злорадно ревел!

Ага, значит есть и здесь люди, которые не дадут в обиду военную славу Империи…

С машины дали по сцене еще одну очередь и кинули взрывпакет. Холщовый задник пылал, сыпались доски. С помоста прыгали. Один кукольный генерал висел, зацепившись нитками за перекладину…

Люди кричали и бежали. Их почему-то делалось все больше. Несколько раз на Лёна с размаху налетали и наконец повалили. Он вскочил и тоже побежал. Пуля провыла над головой. Вот сволочи, по людям-то зачем?!

Лёна закрутило в людском месиве. Он растопырил локти, рванулся, оказался у бугристого каменного возвышения. Его толкали, наваливали грудью на гранитную кладку.

Эта кладка круто уходила вверх. Лён уцепился за выступ, заскреб по камням ботинками (давно не чищенными, разбитыми в дороге). Вверх, вверх! И наконец схватился за могучее бронзовое копыто.

Лён понял, что это памятник. Гранитный постамент в виде неровного холма и конная статуя какого-то полководца. Конь прочно стоял на четырех ногах. Лён ухватился за левую заднюю ногу. А рядом – за правую ногу – ухватился растрепанный школьник.

Под бронзовым конем

Ярко-зеленый воротник мальчика висел на одном плече. Локти парусиновой голландки были продраны, на коленях – свежие кровавые плямбы. На щеке – царапины, будто прошелся лапой рассерженный кот. В синих глазах – испуг и азарт. Мальчишка часто дышал округленным, как бублик, ртом…

Ну, в точности, как один из маленьких гвардейских барабанщиков, которым разрешали в выходной день переодеться в “домашнее” и поиграть среди парковых зарослей в индейцев – набегаются, накричатся, навоюются, а потом смотрят на подошедшего унтера: не слишком ли мы выпрыгнули за рамки дисциплины?

– Крепко тебя потрепали, – снисходительно заметил Лён. Чтобы спрятать собственный испуг.

Пацаненок не стал притворяться героем.

– Ага… Я так перепугался, когда застреляли. А на меня какой-то дядька с разбега – бряк!.. Я думал, задавят… Ай! – О лошадиный круп чиркнула пуля и с воем ушла в небо. Лён и мальчик мигом распластались под бронзовым конским брюхом – носом в гранит.

Лён поднял ушибленный нос.

– Это случайная. Здесь все же лучше, чем там… – Внизу кричали, визжали, давили друг друга. Теперь это были взрослые, ребятишек не видать. Неужели всех затоптали?.. Кое-кто пытался тоже забраться на постамент, но большим не хватало ребячьей ловкости – цеплялись и съезжали… И вдруг Лён увидел зеленый воротник! Такой же как на соседе! И услышал:

– Эй вы! Помогите же!

В гвардейской школе учат гимнастике не зря! Лён башмаками зацепился за бронзовое копыто, распластался животом на граните – головой вниз. Ухватил тощие запястья в полосато-зеленых манжетах. Сосед-мальчишка кинулся на помощь.

И в четыре руки они выволокли несчастного. Несчастную!..

Но нет, она не казалась несчастной. Темно-серые глаза сверкали за большими очками сердито и без всякого испуга.

– Психи бестолковые!

– Кто?! – возмутился Лён.

– Кто?! – звонко удивился рядом его помощник.

– Да не вы, не вы! Те, кто внизу. Несутся, как стадо… А те, кто стрельбу поднял – совсем идиоты! Кругом мирные люди, а они…

– А тот, кто мирным людям сует за шиворот мороженое, он кто? – не удержался Лён. Девчонка мигнула – узнала. Но не растерялась.

– Мороженое – не граната. Оно для здоровья полезное.

– А если к позвоночнику? Тебе бы так…

Конечно, юные гвардейцы должны обходиться с особами женского пола по-рыцарски. Но это была теория. А практики не было: военная школа – чисто мужское заведение, девочек там видели только на телеэкране. И сейчас Лён опирался на более давний опыт, на свою интернатскую жизнь. В интернатах с девчонками обходились как с пацанами. А сейчас это было тем более уместно: очкастая незнакомка вовсе не напоминала примерную девочку из женского лицея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/krapivin_vladislav/vzryv-general-nogo-shtaba

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити